

УДК 112

DOI: 10.34670/AR.2023.77.95.024

Онтологический статус обыденности

Мосиенко Михаил Константинович

Кандидат философских наук,
старший преподаватель кафедры философии,
Сибирский федеральный университет,
660041, Российская Федерация, Красноярск, пр. Свободный, 79;
e-mail: mmk1100@mail.ru

Аннотация

В статье автор рассматривает обыденность как философскую категорию, дает определение обыденности, описывает виды обыденности. Также предпринимается попытка представить обыденность натуралистически: обосновываются тезисы об автономии физической обыденности и важности разграничения обыденности как восприятия и обыденности как объективной реальности. Обыденность не является разновидностью знания, она представляет собой особую ситуацию бытия. Она может быть физической, социальной и индивидуально-психической. Это различие важно для исследовательской точности, а также для того, чтобы уберечь личность человека от возможного урона, который может нанести ей вульгарный солипсизм, следующий из неразличения внутреннего и внешнего. Физическая обыденность – это ситуация, в которой физические процессы данного ограниченного фрагмента реальности, протекают со средней скоростью относительно их ближайшего и, по возможности, изоморфного им физического окружения. Социальная обыденность испытывает на себе влияние произвольности человеческих действий, поэтому более подвижна и изменчива, чем обыденность физическая. Однако, она гораздо более подобна физической обыденности (циклична, неоднородна, медленно изменяется), чем субъективная обыденность. Физическая и социальная обыденность образуют единый горизонт внешней обыденности, который уникальным образом переживается индивидом, находит отражение в его психике, порождая таким образом субъективную или психологическую обыденность.

Для цитирования в научных исследованиях

Мосиенко М.К. Онтологический статус обыденности // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2023. Том 12. № 1А. С. 257-263. DOI: 10.34670/AR.2023.77.95.024

Ключевые слова

Обыденность, знание, бытие, натурализм, солипсизм.

Введение

До начала XX века обыденность не становилось предметом систематических философских исследований. Однако, обыденность как близкая для каждого человека реальность существовала всегда, поэтому философы прошлых веков периодически обращались к связанным с ней вопросам, хотя и не всегда держали ее в прямом фокусе внимания.

В античности проблема обыденности не рассматривалась как самостоятельная, но была фоном для гносеологических исследований. Впервые этот фон отчетливо различим у элеатов и позже в классический период, когда противопоставление истины и мнения становится общим местом для греков. Под мнением здесь понимается то, что позже получит название «обыденного знания».

Процитируем фрагмент поэмы Парменида «О Природе»:

Путь, тобой избранный, был далек человеческой дороге.
Рока несчастного ты избег удачно, тебя же
Право и Правда вели. Поэтому все должен знать ты:
Истины круглой моей неустрашимое сердце
И не присущие ей туманные мнения смертных.
(Также узнаешь затем, как ложные эти воззрения
Следует нам исправлять, все вещи через все проверяя).
Ты не вступай на тот путь, он мысли твоей бесполезен.
Пусть не принудит тебя накопленный опыт привычки
Зренье свое утруждать, язык и нечуткие уши.
Разумом ты разреши труднейшую эту задачу,
Данную мною тебе... [Александров, 1940. С. 47].

Укажем на важные для дальнейшего дискурса акценты, содержащиеся в этом отрывке. Во-первых, с античности до наших дней обыденность видится по преимуществу через призму гносеологии – в поэме речь идет о знании, познании, мнении, истине. Во-вторых, богиня указывает главному герою на то, что он идет путем, далеким от «человеческой дороги», т.е. с ним происходит что-то необыденное, возможно, даже нечеловеческое – обыденность и далее в трудах философов будет противопоставляться чему-то экстремально-человеческому или сверхчеловеческому. В-третьих, герой должен знать кроме истины также и «туманные мнения смертных», «ложные эти воззрения». Таким образом, в дальнейшем на обыденность будут смотреть как на ситуацию ложного знания, при этом обыденность будет считаться чем-то естественным, человеческим, но нежелательным – тем, из чего нужно найти выход; ей будет также приписываться свойство искаженного теоретизирования, «неправильного» философствования.

Так был задан тон в обсуждении обыденности, который сохранялся в философии много веков. Мы видим несколько проблем в такой точке зрения на обыденность. Во-первых, мы полагаем, что обыденность не следует рассматривать исключительно как гносеологический фон – ее следует рассмотреть онтологически, поскольку она не есть род знания о реальности – она есть род реальности: ситуация, положение дел. Во-вторых, мы считаем, что концепция обыденности может быть понята более натуралистически и очищена в значительной мере от психологизма и социологизма, т.к. сама обыденность не является в строгом смысле слова

производной от психики или социума, мы можем представить себе физическую обыденность, обыденность вне человека, существующую без субъекта, обыденность самих вещей. В нашем понимании обыденность – это ситуация медленно меняющихся условий.

Прежде чем перейти к обоснованию этих тезисов, мы бы хотели рассмотреть те описания обыденности, которые состоят к ним в оппозиции, чтобы представить ясную картину того, чему противостоит наш взгляд на нее. В отечественной философии обыденность чаще всего ассоциируется с нормальной человеческой повседневностью, при этом рассматривают обычно в первую очередь не ее саму, а сопутствующий ей тип знания или состояние сознания: говорят об обыденном сознании, обыденном знании, массовом сознании, здравом смысле, стереотипном знании и т.п. В российской философии проблему обыденности рассматривали Б. Пукшанский [Пукшанский, 1987], Н. Автономова [Автономова, 1988], С. Гусев [Гусев, 1994], Т. Ойзерман [Ойзерман, 1967], В. Келле [Келле, 1959], М. Ковальзон [Ковальзон, 1959], И. Касавин [Касавин, 2004] и другие.

Основная часть

В западной философии к проблеме обыденности и повседневности возник интерес в экзистенциализме, а также в социологических исследованиях в XX веке. Экзистенциалисты рассматривали обыденность уже в меньшей связи с гносеологическими проблемами, чем это было обычно до них. Они начинают акцентировать внимание на субъективных и тем не менее универсальных переживаниях, связанных с обыденностью. Обыденность описывается как тягостное существование, как нечто навязанное субъекту природой и социумом, как состояние косности мышления, чувства и воли, как неподлинная и неподобающая человеку жизнь. Несмотря на то, что такой взгляд уже позволяет взглянуть на обыденность вне обычного противопоставления истинного и случайного знания, он все еще акцентированно психологичен: обыденность не понимается в отрыве от психической жизни человека – его психических процессов, восприятия, чувств, воли.

А. Камю обнаруживает абсурдность обыденности, он подчеркивает, что сама по себе она не имеет смысла, и с этой точки зрения обыденная социальная жизнь человека неотличима от существования природы, которая является для него бессмысленной, пока смыслы не вложены туда человеком [Камю, 1990]. Х. Ортега-и-Гассет связывает обыденность с массовостью, находит массовую культуру отягощающей, ведущей человека к косности мышления и блеклому существованию [Ортега-и-Гассет, 2000]. Для М. Хайдеггера обыденность – это обезличенность, *das Man*, она одновременно противоположна подлинной жизни человека и несет в себе указание на ее возможность, т.к. мы ощущаем в таком неправильном существовании возможность его противоположности [Хайдеггер, 2003].

Русские экзистенциалисты высказывали похожие по направлению мысли представления. Л. Шестов считал, что обыденность является для человека желанной, но, парадоксальным образом, не является желательной, поскольку, во-первых, ее возможность иллюзорна, а во-вторых, он полагал, что нормальность связана с рациональностью и логикой, а они поработают человека [Шестов, 2000]. Н. Бердяев, хотя и не был согласен с Л. Шестовым в отношении угнетающего действия рациональности и нормы на человека, соглашался с ним тем не менее в том, что человек не должен быть пленником природы и социума, т.е. физической и общественной обыденности, инертного не подходящего для человеческого духа состояния [Бердяев, 1999].

Несмотря на то, что в перечисленных выше концепциях обыденность понимается по-разному, а иногда вообще не названа этим термином, все они предполагают, что обыденность

психична, т.е. является состоянием человеческой психики и возникает вследствие ее работы, либо вследствие работы культуры социума, которая в конечном счете также возникает по причине деятельности индивидуальных психик.

Впервые шаг в сторону признания автономии обыденности от человеческой психики был сделан со стороны социологии. О. Конт считал, что социальный мир устроен подобно физическому: подчиняется объективным законам, не имеет в себе произвольности [Конт, 2011]. Э. Дюркгейм полагал, что социальные явления подобны природным вследствие своей принудительности для человека [Дюркгейм, 1995], с этой точки зрения они являются нечеловеческими в том смысле, что, хотя и возникают из-за человеческой деятельности, для отдельного человека они являются тем же, чем явления природы.

Последняя точка зрения близка нам и все же мы не склонны социологизировать обыденность – так же, как не склонны ее психологизировать. Наша позиция заключается в том, что обыденность не производится ни психическими, ни социальными процессами – она впервые возникает ниже в иерархии уровней бытия: на физическом уровне. Мы полагаем, что основание обыденности принадлежит миру физических событий. Однако, поскольку физический мир неоднороден и непостоянен, не существует и его универсальной обыденности. Она может быть определена только контекстуально. Для человека обыденность – это ситуация медленно меняющихся условий [Мосиенко, 2015, 85]. Чем она является в мире физических процессов? Она является ситуацией, когда физические процессы рассматриваемого нами в данный момент фрагмента реальности, протекают со средней скоростью относительно их ближайшего и по возможности изоморфного им физического окружения.

Итак, существует «обыденность человека» (индивидуально-психическая и социальная) и «обыденность самих вещей» (физическая). Вторая является первичной относительно первой, мы описали ее критерий выше. Коснемся теперь вопроса о том, почему важно их разграничение и что из себя представляет обыденность первого типа. Различать обыденность, как она представлена в психике, и как она существует объективно, необходимо и по исследовательским причинам, и по практическим.

Во-первых, для философского исследования важно иметь достаточно точно соответствующие исследуемой реальности категории – не слишком абстрактные и не слишком узкие: первое приведет к слипанию в одной категории представлений о разных фрагментах реальности, второе приведет к неполному охвату категорией исследуемого объекта, что в свою очередь может вести к трудно заметной логической погрешности, которая повлечет за собой неправильно направленное дальнейшее рассуждение. Обыденность физическая и обыденность психическая или социальная достаточно разные реальности, чтобы отразить это различие в категориях.

Во-вторых, есть практический повод отчетливо различать внешнюю и внутреннюю обыденность: их неразличение ведет к бытовому солипсизму, возникающему на уровне индивидуального мировоззрения. В педагогической практике мы сталкивались со случаями, когда студенты сообщали, что верят в то, что окружающий мир является продуктом их сознания, а иногда прямо заявляли, что они солипсисты. Мы также сталкивались с тем, что студенты допускали, что мир является компьютерной симуляцией. Такие взгляды были бы невозможны без существования давней традиции солипсизма и богатой философской и околофилософской литературы на эту тему. И хотя в самой философии пик популярности солипсизма миновал, в массовой культуре он продолжает оставаться востребованным мировоззренческим шаблоном.

Подчеркнем, что мы не считаем, что единственной причиной распространения бытового солипсизма является философская традиция – к ощущению кинематографичности,

нереальности происходящего человека могут подталкивать разные факторы: текущее психическое состояние, психические расстройства, социально-экономический и культурный кризис или какие-либо иные факторы. И все же мы полагаем, что существование солипсизма как философской позиции, имеющей своих теоретиков, литературу и некоторый вес в истории философии, вносит свой негативный вклад в распространение бытового солипсизма, поскольку именно наличие и доступность готовых философских концепций, отвечающих текущему внутреннему состоянию человека, позволяет оформиться смутному чувству нереальности происходящего в набор вполне конкретных убеждений, отнюдь не являющихся нейтральными с точки зрения личного психического благополучия.

Психиатрии известен синдром солипсизма и, хотя не существует доказательств, что методологический солипсизм и солипсизм как искажение восприятия следуют одно из другого [Angelo Jr., 2003], не существует на сегодняшний день и доказательств обратного. В статье «Сумерки просвещения» В.В. Розанов так описывает последствия потери студентами чувства живой реальности мира: «...действительность, наконец, просто теряет интерес для воспитываемых, они сохраняют способность переживать ее лишь книжно – природу как предмет для поэзии, как напоминание о ней, жизнь как предмет для размышлений, для теоретических выкладок. В них утрачивается вкус к самой жизни; даже понимая ее умом как главное, существеннейшее, они уже ощущают ее лишь как второстепенное, отражающееся в сознании» [Розанов, 1990, 23]. Ясное различие внешнего мира и содержания собственного сознания (в том числе объективной обыденности и ее субъективного переживания) является защитой от бытового солипсизма и урона, который он может нанести личности.

Независимое существование физической обыденности не отрицает реальности других видов обыденности: социальной и индивидуально-психической. Для отдельного человека физическая и социальная обыденность образуют единый горизонт внешней обыденности, который уникальным образом переживается им, находит отражение в его психике, порождая таким образом субъективную обыденность. Этот последний вид обыденности является в значительной мере производным от первых двух – конкретный облик этой обыденности будет зависеть от личной психической истории человека, вклад в которую вносят как внешние обстоятельства, так и свободная воля самого человека. Этот последний компонент – возможность произвольного действия – прерывает жесткое следование субъективной обыденности из внешних условий.

О социальной обыденности необходимо сказать, что она, во-первых, испытывает на себе влияние произвольности человеческих действий, поэтому более подвижна и изменчива, чем обыденность физическая, а во-вторых, она все же гораздо более подобна физической обыденности (циклична, неоднородна, медленно изменяется), чем субъективная обыденность. Причину этого мы видим в том, что по силе воздействия влияние свободной воли человека на трансформацию устойчивого положения дел в социуме слабее, чем влияние физических и внутрисоциальных процессов и условий.

Заключение

Подведем итог. Мы полагаем, что обыденность – это не разновидность знания, но особая ситуация бытия. Мы также считаем, что необходимо различать три вида обыденности: физическую, социальную и индивидуально-психическую. Это различие важно для исследовательской точности, а также для того, чтобы уберечь личность человека от возможного урона, который может нанести ей бытовой солипсизм, следующий из неразличения внутреннего и внешнего. Обыденность мы характеризуем через скорость ее процессов относительно ее

контекста (физического для физической обыденности и социального для социальной и индивидуально-психической). Индивидуально-психическая и социальная обыденность взаимно влияют друг на друга, при этом влияние социальной обыденности (установившихся правил, традиций, форм хозяйствования и т.п.) на индивидуально-психическую обыденность значительней, чем обратное влияние.

Библиография

1. Автономова Н.С. Рассудок. Разум. Рациональность. М.: Наука, 1988. 286 с.
2. Александров Г. Античная философия (Фрагменты и свидетельства). М., 1940. 214 с.
3. Бердяев Н.А. О человеке, его свободе и духовности: Избранные труды. М.: Флинта, 1999. 312 с.
4. Гусев С.С., Пукшанский Б.Я. Обыденное мировоззрение: Структура и способы организации. СПб.: Наука, 1994. 89 с.
5. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М.: Канон, 1995. 352 с.
6. Камю А. Миф о Сизифе. М.: Политиздат, 1990. 415 с.
7. Касавин И.Т., Щавелев С.П. Анализ повседневности. М.: Канон+, 2004. 432 с.
8. Келле В.Ж., Ковальзон М.Я. Формы общественного сознания. М.: Госполитиздат, 1959. 263 с.
9. Конт О. Общий обзор позитивизма. М.: ЛИБРОКОМ, 2011. 296 с.
10. Мосиенко М.К. Интуиция обыденного сознания: философский анализ: дис. ... канд. филос. наук. Красноярск, 2015. 134 с.
11. Ойзерман Т.И. Философия и обыденное сознание // Вопросы философии. 1967. № 4. С. 181-202.
12. Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды. М.: Весь мир, 2000. 704 с.
13. Пукшанский Б.Я. Обыденное знание: Опыт философского осмысления. Л., 1987. 153 с.
14. Розанов В.В. Сумерки просвещения. М.: Педагогика, 1990. 624 с.
15. Уледов А.К. Структура общественного сознания (Теоретико-социологическое исследование) М.: Мысль, 1968. 324 с.
16. Хайдеггер М. Бытие и время. Х.: Фолио, 2003. 503 с.
17. Шестов Л. Апофеоз беспочвенности (опыт адогматического мышления) М.: Захаров, 2000. 583 с.
18. Angelo Jr. J.A. Space technology. Greenwood Press, 2003. 239 p.

The ontological status of the commonness

Mikhail K. Mosienko

PhD in Philosophy,
Senior Lecturer of the Department of Philosophy,
Siberian Federal University,
660041, 79, Svobodnyi ave., Krasnoyarsk, Russian Federation;
e-mail: mmk1100@mail.ru

Abstract

In this article the author analyses the commonness as a philosophical category, gives its definition and describes its types. The author attempts to represent the commonness naturalistically: to defend the idea of the physical commonness autonomy and the idea that it is important to distinguish the commonness as a fact of perception and the commonness as a fact of objective reality. Commonness is not a type of knowledge, it is a particular type of being. It can be physical, social or psychological. This distinction is important for scientific precision as well as for personal mental wellbeing: it protects the psyche from possible harm that vulgar solipsism deriving from the indistinction of outer and inner realities can cause. Physical commonness is a situation in which

physical processes of a given fragment of reality run at medium speed in relation to their closest and, if possible, isomorphic physical context. Social commonness is influenced by human agency and hence it is more fluid than physical commonness. However, it has much more in common with physical commonness (it is cyclic, heteromorphic, changes at a slow pace) than subjective commonness. Physical and social commonness constitute a single horizon of outer commonness which is uniquely perceived by an individual and reflected in their psyche thus constructing subjective or psychological commonness.

For citation

Mosienko M.K. (2023) Ontologicheskii status obydenosti [The ontological status of the commonness]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 12 (1A), pp. 257-263. DOI: 10.34670/AR.2023.77.95.024

Keywords

Commonness, knowledge, being, naturalism, solipsism.

References

1. Aleksandrov G. (1940) *Antichnaya filosofiya (fragmenty i svidetel'stva)* [Ancient Philosophy (Fragments and notes)]. Moscow.
2. Angelo Jr. J.A. (2003) *Space technology*. Greenwood Press.
3. Avtonomova N.S. (1988) *Rassudok. Razum. Ratsional'nost'* [Reason. Mind. Rationality]. Moscow: Nauka Publ.
4. Berdyaev N.A. (1999) *O cheloveke, ego svobode i dukhovnosti: Izbrannye trudy* [On the human being, his freedom and spirituality: Selected Works]. Moscow: Flinta Publ.
5. Camus A. (1990) *Mif o Sizife* [The Myth of Sisyphus]. Moscow: Politizdat Publ.
6. Comte A. (2011) *Obschii obzor pozitivizma* [A general view of positivism]. Moscow: LIBROKOM Publ.
7. Durkheim E. (1995) *Sotsiologiya. Ee predmet, metod, prednaznachenie* [Sociology. Its subject, method and mission]. Moscow: Kanon Publ.
8. Gusev S.S., Pukshanskii B.Y. (1994) *Obydennoe mirovozzrenie: Struktura i sposoby organizatsii* [Common worldview: Structure and organization patterns]. St. Petersburg: Nauka Publ.
9. Heidegger M. (2003) *Bytie i vremya* [Being and time]. Kharkov: Folio Publ.
10. Kasavin I.T., Schavelev S.P. (2004) *Analiz povsednevnosti* [Analysis of everyday life]. Moscow: Kanon+ Publ.
11. Kelle V.Zh., Kovalzon M.Y. (1959) *Formy obschestvennogo soznaniya* [The Forms of Public Consciousness]. Moscow: Gospolitizdat Publ.
12. Mosienko M.K. (2015) *Intuitsiya obydennogo soznaniya: filosofskii analiz. Doct. Dis.* [The Intuition of the Common Mind: Philosophical Analysis. Doct. Dis.]. Krasnoyarsk.
13. Oizerman T.I. (1967) *Filosofiya i obydennoe soznanie* [Philosophy and common mind]. *Voprosy filosofii* [Matters of Philosophy], 4, pp. 181-202.
14. Ortega y Gasset J. (2000) *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Moscow: Ves' mir Publ.
15. Pukshanskii B.Y. (1987) *Obydennoe znanie: Opyt filosofskogo osmysleniya* [Common Mind: The Experience of Philosophical Understanding]. Leningrad.
16. Rozanov V.V. (1990) *Sumerki prosvetsheniya* [The Twilight of Enlightenment]. Moscow: Pedagogika Publ.
17. Shestov L. (2000) *Apofeoz bespochvennosti (opyt adogmaticheskogo myshleniya)* [Apotheosis of Groundlessness]. Moscow: Zakharov Publ.
18. Uledov A.K. (1968) *Struktura obschestvennogo soznaniya (Teoretiko-sotsiologicheskoe issledovanie)* [The Structure of Public Consciousness (Theoretical and sociological study)]. Moscow: Mysl' Publ.